

ТРИ СТРОКИ И ВСЯ ЖИЗНЬ

«Мамонтова Юлиана Антоновна, 1898 г., род. г.Ковно (Польша), проживало в с. Новый Васюган Васюганского р-на, Новоисибирской обл., чернорабочая ризоводела. Арестована в 1944 году. Осуждена на 10 лет ИТЛ».
«БОЛЬ ЛЮДСКАЯ», том второй, стр. 226. Издание Управления ФСБ по Томской области. 1992 г.

В четырех томах этой книги опубликованы скрупные сведения о тысячах осужденных с начала двадцатых до середины шестидесятых годов на территории Томской области по пресловутой 58-й статье. О каждом в среднем по три строки - когда и где родился, где жил, работал, когда к чему приговорен...

В скорбных списках этой книги она значится Юлианой. Наверное, так ее когда-то окрестил ксендз, но, сколько помню, все звали ее Юлей. Красивая брюнетка с завязанными на затылке в тугой узел волосами, была Юлиа Антоновна пырнвиства, эмоциональна и жизнелюбива. В первую мировую войну была сестрой милосердия и тогда познакомилась со своим будущим мужем, офицером русской армии Виктором Александровичем Мамонтовым. Оказавшись они в Эстонии во время гражданской войны с откатившейся от подступов к Петрограду армией Юденича.

А в начале 30-х пути многих эмигрантских семей пересеклись на северо-востоке Эстонии, где началась разработка залежей сланца, строились сланцеперегонные заводы, возле которых вырастали бараки рабочих поселков и издалека видные черные терриконы перегоревшего кокса. В та-

шофер-балагур, долгое время хранивший ее у себя в кармане. С этой справкой и заявлением, что работница совхоза была против сдачи свиной холодной весной, Григорий Романович добился приема у секретаря Новоисибирского обкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и был оправдан.

После всех этих тревожных событий отец добился разрешения вернуться в Томск. В тридцать девятом году он вновь стал заниматься родным и хорошо знакомым сапожным делом. Его избрали председателем артели «Обушник» (ул. Войкова, 27).

Отец был очень обязательным руководителем, и даже умирая в больнице, просил маму передать на работу его советы, как успешно выполнить план. Он окончил только четыре класса сельской школы, но в организации производства ему помогал ответственность, добросовестность и veselость. Сейчас, когда я уже старше его, понимаю, что он был мудрым человеком.

У нас дома стояла сапожная машинка, имелись инструменты, колодки, и нередко отец вечерами чинил старую обувь, иногда шил новую. И не только родственникам. Помню, как отец вместе со старыми сапожниками после работы бесплатно наготовил обувь семье одного известного томского хирурга. Работая последние годы жизни председателем «Кожмеха», он за счет прибыли артели начал строительство жилого дома для сотрудников.

22 июня 1941-го отец, мама и я, двенадцатилетний, с утра ушли окучивать картошку. Возвращались уставшие вечером. А в довоенные, да и послевоенные вечера в Томске на лавочках возле домов по обыновению сидели, отдыхая, люди, играла гармонь, сутились ребята. Когда же мы вошли тогда в город, отец забеспокоился:

- Клава, что-то случилось - на улице никого нет. Все не так, как всегда.

Перекинул нам со своего плеча тятки и рванул вперед...

Через четыре дня, 27 июня, отец подал заявление в Вокзальный райком партии о добровольной отправке на фронт. Сначала ему отказали, даже опять направили на сельхозработу в какое-то причудливое село. Но 10 августа 41-го он добился своего - стал

командиром отделения разведки 940-го артиллерийского полка. О том, что Григорий Кокорин добровольно ушел на фронт, в нашей многочисленной родне не знали, пока к 20-летию Победы не вышла книга «Партийная организация Томской области в годы Великой Отечественной войны». В ней были опубликованы заявление и фотографии отца. Но тогда его уже не было в живых.

Артиллерийский полк, куда зачислили отца, формировался в Асние. Там в ноябре 41-го младший сержант Кокорин и принял присягу. Он прошел с полком долгий путь, начиная с тяжелых боев на Северо-Западном фронте у Старой Руссы и до Варшавы.

Вот еще одна вырезка из фронтальной газеты начала 1944-го: *«В самые трудные минуты, когда телефонный кабель рвался на куски, на исправление линии вышл командир отделения сержант Кокорин. Саше 20 прыгов успрания он только в одном бою. Однажды, когда наша пехота наступала и артиллеристам нужно было поддержать продвижение, линия связи вышла из строя. Сержант Кокорин бросился под разрывы вражеских снарядов. Перелезая от воронки к воронке, от укрытия к укрытию, он нашел и быстро устранил повреждение. По телефонной линии полетел на батарею приказ открыть огонь. Залпы артиллеристов обрушились на врага. Командование высоко оценило боевую работу сержанта п. Кокорина. На его груди рядом с медалью «За отвагу» орден Славы 3 степени».*

Добавлю, что после той газетной публикации отец был награжден еще двумя орденами Отечественной войны 2-й степени и медалями «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

Отец обладал даром притягивать к себе людей. И не случайно пришедшие проститься с ним сотни его бывших сотрудников не позволили поставить гроб с его телом на повозку. От самого дома в Красном переулке и до кладбища за Томском-II они несли его на руках. А случилось это в холодный декабрьский день пятнадцатого седьмого.

Борис КОКОРИН,
учитель.

Сибирская
Старина

39

ком поселке с непривычным для русского уха названием Кивимили обособились Мамонтовы, туда же переехала после долгих скитаний и наша семья.

Устроиться на работу в пору тогдашней экономической депрессии было трудно, тем более эмигрантам. Потому почиталось за счастье, если имел работу хотя бы глава семьи. Женам оставалось сводить концы с концами и воспитывать детей. У Мамонтовых их поначалу было трое, но младший мальчик утонул, второй умер от скарлатины, и остался в семье один сын - Святослав, с которым я вместе учился в начальной школе. Безумно любившая его Юлия Антоновна болезненно следила за тем, чтобы сын хорошо учился и одновременно пыталась дать ему музыкальное образование, что в условиях тогдашней эмигрантской жизни было совсем нелегко.

Однако кипевшая в этой женщине энергия требовала еще какого-то выхода, и она принимала деятельное участие в проводившихся местной русской диаспорой Днях русской культуры, благотворительных вечерах, лотереях в пользу немудрых... А когда в 1937-м в Кивимили приехало по контракту на работу на Полюши больше двухсот силенских шахтеров, Юлия Антоновна приняла на свои плечи бремя забот о поляках. Прибывший с шахтерскими семьями ксендз обрел у Мамонтовых стол и кров, а вскоре к нему присоединился его помощник, которого поляки звали запросто «брат», как, по-видимому, принято у католиков именовать молодых священнослужителей.

Время было тревожное, предгрозовое - назревала вторая мировая война. Раздел Европы продолжался. В 1940-м настал черед прибалтийских государств. Эстония, Латвия и Литва стали советскими республиками.

Часть поляков уехала, а молодой помощник ксендза, от которого спустя длительное время Мамонтовым пришло письмо с иранской маркой на конверте. Молодой ксендз писал, что находится в армии генерала Андерса.

В Прибалтике исподволь начались депрессии, а ранним утром 13 июня

1941 года силами НКВД была проведена массовая акция, одновременно репрессировали уже тысячи людей. Арестованных мужчин загнали в поданные накануне на железнодорожные станции составы из бурых гулаговских вагонов, и, расстелив вдоль железнодорожной насыпи угольный дым, паровозы потянули эшелоны с обреченными людьми на Урал. По-велики в уральских концлагерях Мамонтова и моего отца. В алфавитном списке подлаживавших депрессию эмигрантов их фамилии стояли рядом...

В другом эшелоне везли женщин и детей. На верхних нарах возле забитого решетчатой окошечка одного из таких гулаговских вагонов лежала Юлия Антоновна с сыном, на нижних нарах примостилась моя мама, малолетняя сестренка и я. Наверху и внизу на нарах теснилось еще больше двух десятков женщин с детьми. Через неделю навстречу эшелонам с репрессированными поехали на запад воинские эшелоны. Началась война.

В Новосибирске сотни сыльных перегнали на баржу, и буксирный катер натужно потянул ее по широко разлившейся Оби на север. Неподолеву от Кургаска повернули в устье темного Васюгана. По пути конвоиры стали высаживать партии сыльных в редкие побережные поселки, оставшихся везли дальше в верховье. Два десятка семей, в числе которых были Юлия Антоновна с сыном и наша семья, высадили в прижавшийся к Васюгану на обрывистом берегу спецпоселок Волково. Шел третий месяц войны, начинался голод. В первую очередь начали умирать малолетние дети, за ними стали сходить в могилы их матери.

С первого же дня пребывания в ссылке Юлия Антоновна поняла: чтобы выжить, надо работать. Работать, чтобы получать все уменьшающуюся из-за войны пайку хлеба, работать, чтобы бригадир вписал в ведомость против ее фамилии невведомый ей доселе трудодень, на который обещали дать еще что-то для пропитания... Голод подталкивал силы привезенных в ссылку женщин, вынуждал обменивать на продукты последнее, что привезли с собой из дома. Меняли у местных жителей, носили менять последние платья и детские вещи за ведро картошки и кусок хлеба в находившийся в

десяти километрах от Волкова райцентр - Новый Васюган. Но привезенных вещей хватало ненадолго...

Все пережитое в то страшное время живет во мне и по сей день, и мне больно вспоминать о нем. Моя мама и сестренка умерли осенью 1942-го, как многие другие женщины и дети из нового контингента. За два первых года ссылки погибла почти треть привезенных сюда в сорок первом.

Юлия Антоновна выжила и спасла сына. Но ее ждало другое тяжелое испытание. Доведенная до отчаяния,

Автор этих строк - Вадим Макшеев.

подчас она принародно ругала ненавистную и презираемую ею власть большевиков. Не могла она простить им то, что сделали с ней и тысячами других разлученных с мужьями женщин, хоронивших своих умиравших от голода детей.

Я не знаю, за какие слова и выражения ее арестовали. В 1944 году мы жили в Новом Васюгане, однако видеться нам не приходилось, работали с темна дотемна без выходных... Но однажды я встретил Святослава, и он сказал, что его мать осудили на десять лет...

Тогда я уже знал, что мой отец погиб в концлагере. Из каждых ста увезенных из Эстонии в сорок первом мужчин в уральских концлагерях осталось в живых менее десяти. Виктор Александрович Мамонтов был в числе тех, кто выжил. Случилось так, что когда он уже погибал от истоще-

ния, проверить состояние концлагеря приехала из Москвы какая-то комиссия. Смерть выкосила уже столько заключенных, что высшее начальство забеспокоилось - скоро в лагерях некому будет выполнять планы по заготовке леса... Одной из принятых на месте мер было комиссование безнадziejных. Пусть подыхают за зоной, а за счет них увеличат паек тем, кто еще в состоянии работать. Мамонтов был в числе обреченных, его комиссовали. Бог знает, как хватило у него сил добраться до железнодорожной станции, попасть на идущий на запад

поезде. Свой срок она протянула от звонка до звонка и освободилась в 1954 году.

Было ей уже 56 лет, а начинать жизнь приходилось заново. Шел девятый послевоенный год, не было ни Сталина, ни Берли, и что-то менялось в окружающем тогда нас мире. Сыи ее, получив разрешение выехать в Томск, учился в политехническом институте и жил в студенческом общежитии. Она повидалась с ним и поехала в Эстонию к мужу, который, вернувшись туда, работал на том же

- сказала она. - Иногда забываю что-то вчерашнее, но давнее в моей памяти сохранилось.

Опасаясь растрожить ее, я не стал расспрашивать о лагерной жизни, но она сказала:

- Сейчас читаю Солженицына... Как верно он все описал, как верно. Ведь я через все это прошла.

Она рассказывала мне, что через несколько лет после того, как освободилась из заключения, получила письмо от одной эстонки, высланной тогда вместе с нами и жившей в том самом Волаково, куда нас определили на спецпоселение. Та женщина написала ей, как в сорок четвертом ее вызвали в районную комендатуру и потребовали подтвердить, что Мамонтова высказывалась против власти. Когда та женщина отказалась, ей пригрозили, что разлучат с дочерью, которой тогда было восемь лет. Испугавшись, она подписала все, что от нее требовали... Все эти годы ее мучила совесть, и, узнав адрес Юлии Антоновны, она, уже тяжело больная, решила написать ей и попросить прощения.

- Я простила ее, - сказала Юлия Антонова. - Если бы она не подписала, все равно это сделал кто-нибудь другой. Они знали, как этого добиться.

Я смотрела на нее и думал, как же она смогла пройти после ссылки еще и концлагерь, преодолеть все испытания, разлуки, муки...

И она, словно угадав мои мысли, сказала:

- Знаете, Дима, мне надо было выжить, чтобы увидеть мужа и сына. И еще я очень хотела дожить до того времени, когда не станет тех, кто нас заставлял страдать и погибать. Мне надо было дожить до того времени, когда можно не бояться говорить правду...

Уже прощаясь, задержав в своей ладони мою руку, она сказала:

- Я прожила много лет, я устала и не боюсь смерти. Но знаете, чего я боюсь?

И сама же ответила:

- Того, что люди скоро забудут все то, что было с нами.

Вадим МАКШЕЕВ.

Новая книга томского писателя - о трагедии Васюганья.

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Под общей редакцией
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

3

НАРЫМСКАЯ ХРОНИКА
1930-1945

Трагедия спецпереселенцев

Документы и воспоминания
Составление и комментарии В.И. Мамонтова

МОСКВА
РУССКИЙ ГИТ
1997

поезд. С опухшими ногами, в худой эковской одежде, без копейки денег... Он не знал, где его жена, где сын, но в Липецке когда-то жила его сестра, и он держался за эту последнюю соломинку надежды. По дороге заболел воспалением легких, в жару и бреде потерял счет дням. Добравшись до Липецка, еле добрал до дома, где жил еще до революции, нажал на кнопку звонка. Когда увидел открывшую дверь сестру, потерял сознание и упал.

А у Юлии Антоновны лагерный путь был еще впереди. Поначалу отбывала она срок в Асино, затем ее перевели в Кемеровскую область. Не знаю, смогла ли бы она выжить, если бы не сказала следователю, что когда-то обучалась на курсах медсестер. А потому через какое-то время взяли ее в лагерную санчасть, где все же было

санцперегоним заводе, где трудился до ареста. Она увидела его и не могла узнать, так изменился и постарел он за те тринадцать лет, что они не виделись... Но прожить снова вместе им довелось недолго. Похоронив мужа, она прожила еще какое-то время в Кипивыли, с которым было столько связано в жизни, и уехала к сыну.

Встретил я ее, когда ей было уже почти девяносто. Сухонькую, сделавшуюся меньше ростом, но еще подвижную и светлую разумом. Жила она в Москве у сына, ставшего к тому времени специалистом горного дела и лауреатом Госпремии, выросла трех внуков.

Я прикоснулся губами к ее тонкой высохшей руке и с болью подумал: «Господи, ведь и моя мама могла бы быть еще жива...».

- Я помню ваших родителей, Дима,

Сибирская
Старина

41

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

Кабанский Магазинъ П. И. Макушина

Томскъ — Tomsk

№ 13 (18)

ТОМСК ✨ 1998